

Землю надо беречь

Николай Иванович Фотьев

Николай Фотьев... Уверен, это имя о многом говорит людям, любящим литературу. Ведь речь идет об известном дальневосточном писателе Николае Ивановиче Фотьеве, на чьих произведениях воспитывалось и воспитывается не одно поколение читателей не только у нас в Амурской области, куда в юности переехал с Алтая жить, учиться и работать Фотьев, но и на Дальнем Востоке, и во многих уголках России, где его книги встали на полки библиотек как равные в строю произведений других известных русских писателей.

21 декабря нынешнего года Николаю Фотьеву исполнится 70 лет. Так что есть время подготовиться к юбилею, который обещает стать событием в культурной жизни Приамурья. Я давно приглашал Николая Ивановича поучаствовать в моей программе «Стезя», и лишь сейчас получил наконец его согласие. Ибо повод к разговору о жизни, о творчестве, о писательской судьбе — самый что ни на есть подходящий.

В Амурской писательской организации Николай Фотьев — по стажу пребывания в Союзе писателей СССР, а теперь вот в Союзе писателей России, — самый давний ее член. Еще в 1971 году он вступил в творческий союз, хотя стаж его литературной работы никак не меньше полувека, если судить по публикациям и книгам Фотьева.

И вот мы сидим в кабинете писателя и толкуем о самом главном.

— Николай Иванович, 70 лет — это достаточный срок, чтобы успеть самого себя понять и понять окружающую жизнь. А поскольку ваша профессия связана напрямую с осмыслением нашей жизни — вы писатель, — то, конечно же, вас никогда не покидают раздумья на тему Бытия, если с большой буквы обозначить это слово. Давайте поговорим, прежде всего, о вашем очередном жизненном рубеже. Как вы его воспринимаете?

— Я признаю уже себя пожилым человеком, пожившим изрядно. Стало быть, я много повидал, испытал и осмыслил. На многое нашел ответы и уже понапрасну не волнуюсь, потому что кое-что, вижу, по-

вторяется, возвращается на круги своя... Жизнь штука сложная. А в нашем деле — особенно. Помнишь, у Пушкина? — «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Некоторые-то рвутся, чтоб радоваться, ничего не делать, ни о чем не думать. Ну, а нам, писателям, сам Бог велел мыслить и страдать.

— Я вспоминаю наши с вами совместные рыбалки, когда мы были на Зее, сидели у костра и вы рассказывали мне различные житейские истории. Признаться, я тогда не думал, что слушаю ваши будущие книги. И лишь потом в ваших новых книгах находил сюжеты, которые вы мне тогда наговаривали. Что, вы не можете из своей профессии вырваться, постоянно в плену художественного горения?

— Да как сказать... Я ведь в прошлом — аграрник. Думал и о своей профессии, и о своих делах, о работе и проблемах, которых в сельском хозяйстве всегда было много, да и сейчас достаточно. И тем не менее меня всегда тянуло к творчеству. Видимо, я родился все-таки для этого, в этом смысл моей жизни. Поэтому всё, что казалось мне интересным в прожитом и что может оказаться интересным людям, если я это интересно выражу и донесу до них, — я это всё вынашивал в себе, осмыслял, отбирал, что важно, что не важно. И о том, что хотелось мне, я в большинстве случаев сказал. Но сейчас с книгоизданием, сам знаешь, какое положение. Рукописи лежат, и люди не знают, что я в последнее время говорю, о чем мыслю. Но и сейчас я всегда занят творческими мыслями и делами. Больше всего хороших слов, мыслей и картин приходит не тогда, когда сижу за столом и в стену смотрю, а когда куда-то иду, двигаюсь. Меняются картины, встречаются люди, разные лица. Всё идет от жизни, а не из пальца высасывается.

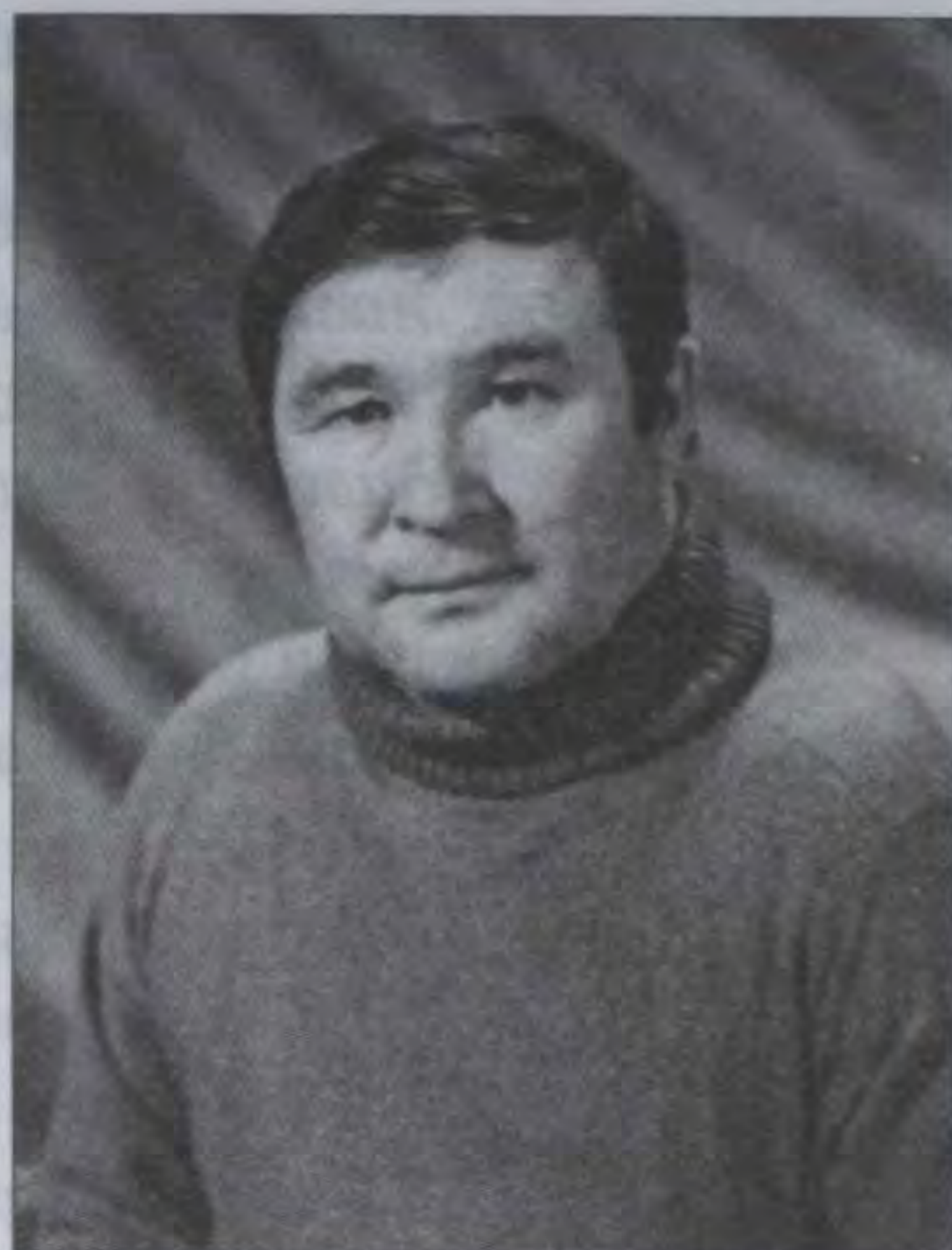
— Зная вас долгие годы, видел, как вы каждый день Благовещенск из конца в конец исхаживали. А сейчас как, в морозы?

— И сейчас тоже почти каждый день хожу. Но иногда ветер такой, что думаю: посижу немножко дома, а завтра наверстаю. Все лето я ходил по восемь километров на свою заимку от турбазы «Снежинка» и обратно. Не каждый день, но каждую недельку: туда — назад, туда — назад. Надо ходить, а как же.

— Николай Иванович, у вас широкий творческий диапазон. Вы пишете прозу, а начинали как баснописец. В весьма зрелом возрасте вы открылись и как лирический поэт. Как сатирик, обладающий острым пером, вы были известны и раньше — эпиграммами, сатирическими стихами. Вы говорили, что таково предназначение свыше. Но это

вроде бы мистика. А вот ваша жизнь на Алтае, откуда вы родом, сибирская природа — повлияли на вас? Какие-то книжки, быть может, потрясли?

— Мои родители, отец с матерью, и дедушка с бабушкой были совершенно неграмотными. Тут мне похвастаться нечем. Но это были хорошие люди прежде всего. Когда я стал более-менее осознавать мир, меня, конечно же, поразило то, что написано в книжках. В нашем доме и было-то всего две-три книжки — Пушкин, Лермонтов и Некрасов. Их стихи стали моим главным удивлением и открытием. Оказывается, то, о чем мы говорим в обиходе, можно и через книги поведать. С тех детских лет я и возлюбил литературу — поэзию и так далее. Горный Алтай очень красив, иной раз он удивляет до того, что мурашки по коже пойдут. Это я испытывал с детства. Я был впечатлительный человек, таким и оставался дальше. Может быть, и до сих пор. Это мне помогает воссоздавать какие-то картины, воображать.

Николай Фотьев, 1982 г.

А начинал почему с басен? Этот вопрос мне часто задавали читатели. Даже в предисловии к первой книжке я написал: обычно люди пишут басни в зрелом возрасте, когда они умудрены. Так-то оно так, но, говоря откровенно, начинал я все-таки со стихов. Попробовал в газету принести, одно было опубликовано. Но лирика тогда была не в почете. Попытался написать басню — она сразу же и пошла. А за ней и другие появились. И это было не случайно. С детских лет я открыл с удивлением для себя театр — сцену, где можно изобразить что угодно. И со школьных лет до окончания института увлекался театром, участвовал в художественной самодеятельности. А когда увидел настоящий профессиональный театр, когда учился в Бийске в сельскохозяйственном техникуме, долго ходил потрясенным. Мне многие советовали, увидев меня на любительской сцене, идти в артисты. В Благовещенском сельхозинституте я даже был художественным руководителем драмкружка. Но когда получил диплом зоотехника и приступил к работе, стало не до театра. И тогда моим театром сделались басни. В них ведь тоже есть сцены, герои. Их надо увидеть, почув-

ствовать, услышать. Ну, а сам автор — он и режиссер, и постановщик, и исполнитель. Вот так я и пришел к басне.

— Конечно, басня, при ближайшем рассмотрении, и есть пьеса в миниатюре, настоящая драма — с персонажами интересными, диалогами, с динамично развивающимся действием. И чтобы наши слушатели убедились в этом, припомните что-то близкое вашему сердцу в этом жанре.

— Самая первая басня каким-то образом и связана как раз с театральным действием. Написана она была еще в институте.

На сцене у зверей однажды пьеса шла,
И неожиданно беда случилась:
В последнем акте статуя была —
Она упала и разбилась.
Как быть? Спектакль нельзя отставить.
И дело выдумка спасла:
Решили вместо статуи поставить
Живого настоящего осла.
Стоять ему велели без движений,
Чтоб даже ухом шевельнуть не смел.
Всё это после долгих наставлений
Осел, хвала ему, уразумел.
Спектакль окончился, творцам его почет.
Летят цветы, несется: «Браво! Браво!...»
Осел все это принял на свой счет
И важно кланялся налево и направо.

— Я думаю, такие персонажи есть и в наши дни. Существуют люди, которых ставят на какие-то пьедесталы, а они все принимают на свой счет.

— Знаешь, на эту нестареющую тему у меня есть и новая басня.

Свинью однажды осенило, что она
Имеет право и должна
Взыскать с хозяина сполна
За всё, что создано ее трудом.
А дело заключалось в том,
Что вокруг нее копившийся навоз
На огород хозяин свез,

И потому на огороде
Такое было плодородье,
Чторосло всего невпроворот.
«А чья заслуга тут? Моя! Моя! Моя! —
На всех углах визжит свинья. —
А как полезешь в огород,
Хозяин сразу заорет,
Берет большую хворостину
И чешет мне бока и спину.
Ну нет, так это не пройдет!
В суд на тебя подам, злодей,
Тогда ты запоешь иначе».
Ну что тут скажешь:
У свиней
И логика свинячья.
И их послушаешь — такая поза!
А самомнение каково!
Хоть, кроме грязи и навоза,
Не производит ничего.

— *И все-таки первые ваши литературные опыты были связаны с лирической поэзией. Затронем эту струну? Как мне кажется, она свидетельствует о неумирающей молодости души.*

— Может быть, может быть... Душа просится наружу, как говорится. Насколько я понял, ты хочешь, чтобы я прочитал лирическое стихотворение?

— *Да, именно лирические стихи.*

— Ты знаешь, много сейчас деревень, которых уже не существует. В том числе и моя деревенька, где я жил. Вот представь себе: ты пришел туда, а там ничего нет — пустое место...

Сюда, где не был я давненько,
Как пилигрим, свершил я путь.

Ау, родная деревенька!

Ау, откликнись кто-нибудь!

Хранит молчание округа,

Мол, деревеньки нет как нет...

Лишь мимолетная пичуга

Мне что-то свистнула в ответ.

И я стою неожиданным гостем,
Шепчу печальные слова,
А тишина, как на погосте,
И выше пояса трава.
Душа стонет виновато,
Как будто я в какой-то срок
Всё то, что было тут когда-то,
Не доглядел, не уберег.
Кого винить? Их слишком много —
Святых сиротствующих мест,
В них боль России и тревога,
И обжигающий протест.
Нет ни крестов, ни обелисков
На месте бывших деревень,
Но знаю я, тут каждый день
Витают тени наших близких.
Я опускаюсь на колена,
Беру на память праха горсть.
Будь навсегда благословенна
Земля, где жил я, словно гость.

— *Земля... Огромная тема! У вас есть книга, которая называется «Земля, на которой стою». Это книга очерков, поскольку вы ведь и публицистикой много занимались и продолжаете заниматься, ибо вы человек неравнодушный. Все то, что происходит вокруг в нашей жизни, становится не просто предметом вашей эмоциональной реакции, но человеческого, писательского исследования. Ощущение родной земли для вас очень важное чувство? Или вы считаете себя человеком Вселенной, Космоса?*

— *Я пытаюсь, в принципе, представить себя гражданином Мира. Мир-то не узок ведь. Но все-таки родина есть родина. И никуда и никогда не собирался, не шмыгал ни за какой бугор, как говорят сейчас. И большая родина мне дорога, и та малая родина, откуда я вышел и есть пошел, тоже дорогá. Иначе и сказать нечего.*

— *Мне нравятся названия ваших книг. Вы их долго выдумываете? Они появляются у вас после того, как рукописи рассказов и повестей складываются в книгу? Допустим, «Мужчины в доме», «Те далекие свидания», «Коренные берега», «Горная малина», «Деревенская родня» — я называю такие, которые сразу прихо-*

У костерка на Бровкином ключе Николай Фотьев и Лариса Игнатенко, 1975 г.

дят на память. *«Реки радости»* — это тоже ваша книга очерков о природе.

— Прежде всего я имел в виду содержание и искал «голову» — заголовок, чтобы он пролил свет на всё общее содержание. Иногда заголовок приходил сразу, но чаще он заранее обдумывался, накапливался. А иногда уже и после того, как всё давно написано и сверстано. Случаях в двух мне подсказали — кто бы ты думал? Однажды корректор, однажды бухгалтер. Книжка *«Вы остаетесь за нас»* — корректор сказала: «Я читала, и меня слеза пробила, когда отец уходит из дома и говорит сыновьям: «Вы остаетесь за нас». Может, так и книжку назвать?» Я обрадовался и согласился с ней. *«Те далекие свидания»* — это тоже мне подсказали редактор или корректор, я уже и не помню. А остальные, конечно, я сам назвал по имени.

— Я неспроста задал этот вопрос, хотя его можно было бы и обойти. Как профессионал, человек, который постоянно работает со словом, вы ощущаете магию слова? Какую-то силу не только предметную, не только знак в слове, содержание, в нем находящееся? Слово ведь способно повлиять на человека, на его поступок, на его судьбу.

— Ну а как же! «В начале было Слово» — это ведь сказано давным-давно в Библии. И что такое слово? Белинский написал: «Литература — это сознание народа, цвет и плод его духовной жизни». А поскольку это так, то литература без слова невозможна. Стало быть, слово имеет большую силу. Без слова ничего нет и не было бы. Когда человек научился понимать и говорить — с тех пор он и стал воистину Человеком. И так будет дальше, слово будет работать на человека.

— *Давайте подтвердим эти рассуждения каким-то примером из вашего творчества.*

— Может быть, стихотворением насчет слова? Есть у меня такое.

Когда живешь в плену земного,
Когда сомненье душу гложет,
Как много значит чье-то слово,
Что вдруг прозреть тебе поможет.
Увидишь то, чего не видел,
И мир покажется иным.
И может статься, некий идол
Предстанет жалким и смешным.
Пусть люди бьются за богатство,
И там и тут срывают куш,
Но нет цены дороже братства
Высоких и открытых душ.
Пусть где-то благ невпроворот,
Но будет жизнь пустой и нищей,
Коль не востребует народ
То, что зовут духовной пищей.

— *Интересно, вы за многое беретесь, и многое у вас получается — и басни, и стихи, и проза. Вы добрый и любящий человек. Вспоминаете родителей своих, односельчан, брата. Каждую вещичку в родном доме вы любовно трогаете. Ваша проза насыщена многочисленными деталями быта — крестьянского, деревенского. И тут же лирика, острые стрелы сатиры. Вы добряк или сатирик по натуре?*

— Я бы не сказал, что у меня ум сатирический. С удовольствием как-то прочитал рассуждение насчет басен Василия Андреевича Жуковского. Он лучше всего сказал об этом виде сатиры: «Баснописец более, чем кто-либо, дитя природы». Так вот я — дитя природы и есть.

— Пусть это ощущение постоянно остается с вами. И в то же время вы много и успешно пишете прозу. А это длительный труд, напряженный, физически тяжелый.

— Я думаю, всё на свете держится на любви. Если что-то любишь делать, то не замечаешь, когда у тебя занает спина, ноги или еще что-то. Если заныло — надо встать, походить, размяться. И опять за своё. Без любви ничего хорошего не сделаешь. Есть у меня об этом стихотворение.

Бывает, вдруг воображенье,
Как наяву, родит виденье
Позора, зла, беды, крушенья —
И содрогнешься, словно ток
Пронзил всего от головы до ног.
И станет сердцу тяжело, больно,
Как будто впрямь пришла беда.
И говоришь себе: «Довольно!
Всё это, братец, ерунда,
Случайный беспричинный бред,
Гони его и думай о прекрасном,
Иначе причинишь здоровью вред
Переживанием напрасным».
Но тут же голос внутренний язвит:
«Уж коль ты с творчеством повязан,
То всё, о чем душа болит,
Сполна прочувствовать обязан.
Познай душой страданья
И радость, и печаль — на том и стой,
Иначе все твои писанья
Предстанут чашею пустой.

— Николай Иванович, некоторые люди, читая книжки писателей, все-таки довольно смутно представляют, а как же живет писатель, что это за человек. Может быть, он где-то там, в Эмпиреях, витает? Вы можете меня опровергнуть, но я считаю вас единственным в Амурской области профессиональным писателем в классическом смысле этого понятия. Человеком, сидящим за столом и долгие годы как-то умудрявшимся жить на гонорары от своих книг. Сейчас времена иные. Как вы живете?

— Да, я всегда стремился освободиться ото всего лишнего, чтобы заниматься только своим делом. Я вообще считаю, если люди зани-

маются своим делом, — это гораздо полезнее, чем двух-трех зайцев ловить. Но иногда, бывает, нужда людей заставляет изменять этому правилу. А вообще-то пироги должен печь пирожник, а сапоги тачать сапожник. Как только представилась мне эта возможность, я оставил свою прежнюю профессию. Меня, правда, долго не отпускали. Стало быть, нужен был. Это когда я работал зоотехником.

— Но ведь потом вхождение в мир профессиональной литературы вы начинали вначале как журналист.

— Да, я прошел этап журналистики. Работал в зейской районной газете, потом в «Амурском комсомольце», «Амурской правде». Но все это скоро прошло, года за три-четыре. И я опять стал

тяготиться. Ведь журналистика — это когда ты пишешь тем же самым «местом», той же головой. И это отвлекает от художественного творчества. Я считаю, что если бы сейчас были возможности у моих собратьев-писателей заниматься своим главным делом, я был бы рад за них. Но многим приходится заниматься посторонним делом ради куска хлеба насущного. Но лично я, когда ради литературы оставил все остальное, жил неплохо. Не шикарно, но нормально, не обижался на судьбу. От книги до книги были гонорары. Потом, когда вышел, как говорят, на «проектную мощность», стало еще проще. Перед оформлением на пенсию вышли одна за другой три книжки: переиздана была «Вы остаетесь за нас», в Москве издали книги «Коренные берега», «Горная малина». Недалеко еще был сборник басен, наиболее полный. Я сложил деньги и думал: вот выйду на пенсию и буду спокойно работать и жить на эти средства. Но потом это все сгорело

Николай Фотьев в своем домашнем кабинете. 1990 г.

в огне перестройки. Но тем не менее я не стал искать чего-то иного и приспособливаться. В сторожа, или еще куда-то, не пошел. Терпел, терплю — и притерпелся.

— Для тех, кто не был в вашем кабинете, я опишу обстановку. Можно?

— Пожалуйста!

— Обстановку нельзя назвать спартанской, хотя излишнего не видеть. Очень много книг в шкафах. Мебель не румынская, не последний крик моды. Старинный рабочий стол. Пишущая машинка, бывавшая в писательских переделках и длительной работе. В общем, на жизнь хватает, но шика особого нет.

— Да. «Не то сегодня положенье, / Когда б писатель мог сказать: / «Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать...»

— Пушкин...

— «...Будь гением прозаик иль поэт, / Но если он безденежен, бедняга, / То труд его не выйдет в свет, / Не поработает во благо. / И, вместе с тем, какой контраст: / Любой, кто при деньгах, издаст, / В обложке новомодной и красивой, / Хоть чушь, хоть бред кобылы си-вой, / И даже выгодно продаст. / Увы, с умом и совестью в разладе, / Вершится нынче книжный ход. / Телега впереди, а лошадь сзади, / И кучер задом наперед. / Не всё, не всё у нас в ажуре, / На сцену в жизни бездуховность прет, / Нет должного внимания к культуре — / И деградирует народ».

Да, Александр Сергеевич. И лучше не скажешь, остается только выучить наизусть и повторять за ним.

— Через два дня вы отметите свое 70-летие. С вершины прожитого видится далеко, хотя очертания иных событий видоизменяются под влиянием времени. Спадает пелена сиюминутности — и зрение обретает мудрую ясность. В нынешних условиях литератор абсолютно незащищен перед произволом рынка, когда гарантией издания произведений автора становится не мера таланта, а спрос, определяемый уровнем культуры читателя. Увы, безвкусица правит свой бал, невзирая на имена и судьбы. И это огорчает не одного только Николая Фотьева, не так ли?

— Где нет должной заботы о культуре, там общество обречено на деградацию.

— Я понимаю вашу человеческую и писательскую боль. Но тем не менее вас тоже не обходят своим вниманием добрые люди. К вашему юбилею родной сельхозинститут, как он звался ранее, а теперь

это аграрный университет, делает хороший подарок — помогает выпустить книгу избранных басен. Вы ощущаете людское внимание?

— Надо быть бесчувственным, чтобы совершенно не ощущать ничего. Честно говоря, мне было до того неудобно прийти и представиться... Спасибо ректору ДальГАУ Борису Ивановичу Кашпуре за человеческое внимание. И вместе с тем трогает то, что я оттуда вышел, это мое родное учебное заведение, я был в числе первых его выпускников в 1955 году. Это не забывается.

— *Думаю, студентам и преподавателям университета приятно слышать, что вы в хорошей творческой форме и у вас на рабочем столе полно новых рукописей для грядущих книг. Если бы существовала книга «амурских рекордов Гиннеса», вы у нас рекордсменом были бы. Никто из амурских писателей не выпустил столько книг. Рискую ошибиться, но у вас их не менее трех десятков?*

— Что ты! Я считаю — два десятка. Ну, может, на одну больше, не преувеличивай.

— *Всё ли вы сказали в них людям, что хотели?*

— Нет... Я думаю, всё сказать никому никогда не удастся, даже если он проживет сто и больше лет.

— *Вам доводилось встречаться со многими выдающимися русскими писателями. Знаю, что вы переписывались с Виктором Астафьевым, в котором находили единство взглядов на русскую действительность.*

— Именно в Астафьеве я почувствовал, больше чем в других писателях, родственную душу. Он, как и я, сибиряк. Я тоже воспринимал мир, как он. Картинки, которые он воспроизводит в своих произведениях, я их тоже видел, они мои — это мое детство. Реагировал на них я так же. Случается такое совпадение. Когда я был на совете Союза писателей по художественной прозе в Москве, там мы и познакомились. Это дело хорошее, надо иногда обсуждать наше творчество на самом высоком уровне. В отличие от всех записных говорунов, Астафьев говорил о моих произведениях совершенно по-своему. С юмором так это, попросту. Слова народные употреблял к месту совершенно. Это просто замечательно было! Поэтому я его полюбил и продолжаю любить. Писем мы много не написали друг другу, но я все его послания бережно храню и перечитываю. В них есть чему поучиться и чем утешиться.

— *О своих планах вы не предпочитаете говорить? Боитесь сглаза?*

— Да как сказать... Вот лежат у меня еще три рукописи. Тут суеверничай не суеверничай, а издать их почти невозможно. Ну как сейчас мне ходить где-то, просить: «Дай мне десять, двадцать, тридцать миллионов. Я хороший!..» Ведь так в потенции это вроде бы и звучит. Тут невольно надо переступить через совесть. Он же, у кого я прошу, может думать: «А кто ты такой, чтоб я тебе давал вот такую сумму?» Понимаешь, я не могу переступить через это. И мои коллеги тоже говорят: легче на эшафот взойти, чем ходить и просить с протянутой рукой. Тем более что в прошлом отношении к писателям было гораздо человечнее. И вдруг вот так вот...

— *Настоящий поэт, писатель — всегда пророк. Знаю, что вы замашете на меня руками и скажете: «Нет, я, Николай Фотьев, не пророк!» Но я вам не поверю. Что вы видите впереди? Каково будущее России?*

— Пожалуй, я прочитаю басню. А потом прокомментирую, может быть, кое-что.

На месте старого жилья Пахом
Решил построить новый дом.
А коли так — старьё на слом,
И всё на слом!
До основанья!
А потом...
Потом жить надо было где-то, и Пахом
Устроился в сарае вместе со скотом.
Живет кой-как —
Вонь, грязь, стесненность, неуют,
К тому же повседневный тяжкий труд,
Забот, хлопот невпроворот,
А дело медленно идет.
И мучился бедняга целый год,
И чуть не тронулся умом,
Пока построил новый дом.
А между тем сосед его Кирилл
Жилище старое не рушил, не зорил,
Пока свой новый дом не смастерил, —
И вышло у него всё хорошо, как надо,
Без мук напрасных и наклада.
Мне этой басенкой, друзья,
Хотелось вот что заявить:

Коль в жизнь приходит новое, нельзя
Бездумно старое губить.

Так вот, я имел в виду нашу жизнь. Нагубили мы много. Но, я думаю, постепенно мы все-таки то, что утратили, восстановим. И то, на что хватит ума открыть заново, будем использовать. И выйдет, наверное, Русь-матушка на нормальную дорогу.

— *Вы любите читать книги, особенно по истории. Об этом мы раньше говорили с вами неоднократно. В глубь времен давайте глянем, ведь Русь на протяжении одного какого-нибудь века, любой взять, как минимум две-три смуты переживала. Еще большие войн, дворцовых кровавых переворотов, бунтов, моров, чумы! Откуда? Неужели это всё не прекратится? Мы что, под какой-то жуткой звездой расположены?*

— Наверное, это потому, что наша страна огромная и многонациональная. И чтобы всё совместилось и пришло в гармонию — это непросто. В Европе проще, там все в кучке живут, все знают друг друга. А у нас в каждом крае, каждой республике своя культура, свои национальные особенности. Не так-то просто! Смуты и перевороты — это, видимо, поиски лучшего пути. Но вилы и топор не лучшее средство для устройства новой жизни, поисков и утверждения нового пути.

— *Тем более что в нашей истории были положительные примеры. Вспомним Новгородское вече, когда можно было миром собираться и решать дела полюбовно.*

— Надо восстанавливать всё хорошее, что было, что уже временем проверено. Зачем выплескивать с водой и ребенка?

— *Вам, как сатирику, очень выгодный пример — та же нынешняя Дума. Кто на ней не оттачивал свое перо!*

— Дума, вообще-то, — наш коллективный разум. И надо относиться к нему с уважением в целом. Хотя там много болтунов. Я вот, грешный, тоже отреагировал. Стихотворение назвал «Емеля».

Он не был жизни знатоком,
Не славился делами,
Но так работал языком,
Что избран был в парламент.
И вот мы слышим речь его
В парламентской структуре:

«Консенсус, нонсенс, статус-кво,
Де-факто и де-юре...»
И оппонент, и критик он,
Когда идут дебаты:
То плох какой-нибудь закон,
Тут власти виноваты...
Коль по речам судить его,
Так все он понимает,
Но сам при этом ничего
Он делать не умеет.
По сути, пуст, как барабан,
Он языком лишь мелет,
А между тем себе в карман
Большой навар имеет.

— *Что нас может повести вперед, на ваш взгляд?*

— Вообще-то необходима сильная идея, если она разумна, человечна, если она открыта и если ее умеют подать так, чтобы она была понятна всем, от тети Моти до академика. Вот этого сейчас у нас, увы, нет. Что бы там ни говорили, но какой-то объединяющей идеи, чтобы мы ее чувствовали, знали, на что работаем, — этого нет. Много разных противоречивых мнений, пока что всё идет в раздрай. А идея нужна. Я думаю, что литература всегда работала на человека, на объединение. У Льва Толстого много об этом сказано, что искусство и литература призваны объединять людей. Вот мы своим творчеством и должны делать всё, чтобы люди становились действительно братьями, лучше понимали друг друга. И понимали, что умом, головой можно сделать гораздо больше, чем топором, как я уже говорил.

— *Только что упомянуто имя Льва Николаевича Толстого. Вспоминаю, как вы посоветовали мне однажды купить его прекрасный двухтомник «Круг чтения». Всю жизнь он читал других авторов, выписывал мудрые мысли. Одна из мудрых мыслей многократно подчеркивается Толстым — земля не может быть в частной собственности. Говорю вам как аграрию по образованию и по духу. Это-то Толстой — один из крупнейших русских помещиков! Он что, лицемерил, лукавил?*

— Нет, думаю, он не лукавил. Считаю, что земля в полной мере быть собственностью не может. Это вообще невозможно! Ну а чтобы

На скамье у реки Зеи: Валентин и Идея Шкап, Николай Фотьев, Игорь Игнатенко. 1980 г.

кто-то пользовался ею — почему бы и нет? Но только чтобы он пользовался как хозяин, чтобы его земля становилась год от года лучше, а не так, как хищник: выхватил всё что можно, обесплодил — и смылся. Тут надо наводить порядок. Я не состою в парламентской братии, там еще будут вести дебаты. Но я считаю так — земле нужен хозяин хороший. Земля должна все больше и больше приносить урожая и пользы. Землю надо беречь, лелеять. Земля — матушка наша, и так к ней и надо относиться, по-сыновьи.

— У земли могут быть и коллективные хозяева. Вспоминаю ваши очерки на эту тему о прекрасных хозяевах амурской земли. Вы с Котенко были хорошо знакомы, с другими. Это что, ушло напрочь или все-таки надо возвращаться к такому вот хозяйствованию?

— Да, как ни крути, а оказывается, что у толкового, знающего хозяина дело всегда шло хорошо. И сейчас там лучше, чем где-либо. Возьмите того же Мормоля, тот же совхоз «Партизан», где был директором Котенко. Они подготовили знающих людей и передали им свое дело, а не кому попало. Тот же Багров Иван Игнатьевич.

— Вылетевший в самостоятельный полет из «партизанского гнезда» от Котенко.

— С другими я меньше был знаком, но Петр Ильи Баранас, директор совхоза «Чесноковский», тоже немало мне рассказывал. Умный был человек, хороший хозяин. И сейчас таким людям надо доверять землю, а не кому попало. Это сложное дело, а не просто так: посеял — и всё. Тем более, когда большой коллектив, умный руководитель нужен. Колхоз или совхоз, совместное предприятие — не важно, как мы это называем сейчас. И совет с умными людьми необходим. Раньше как было? Я, как зоотехник, планирую, сколько должно быть кормов, каких. Приезжают уполномоченные и командуют: вот это — сдать, а вот это — продать. И я остаюсь со скотиной голодной. Хоть с крыши соломой корми... Я помню, один чиновник лазил по чердакам, искал зерновые отходы, которые можно было переветать и сдать, чтобы отрапортовать погромче. Да еще и провалил потолок... Смешно и грешно! Были такие герои, которые Салтыкову-Щедрину и не снились. Такое время было, но и сейчас есть такие люди.

— *Вы были в молодости спортивным человеком, испытывали радость от активной жизни, любили гонять на велосипеде, гири поднимать, рыбачить. Как тут не вспомнить опять вашу книгу «Реки радости». Сейчас это вам доставляет прежнее удовольствие? Знаю, что закалка мужская, даже, можно сказать, мужицкая, помогла вам преодолеть тяжелую болезнь. Я ничего не преувеличиваю?*

— Когда у меня случилась эта «болячка», я не придавал ей поначалу никакого значения. Думал, само пройдет. А потом мне врачи сказали: тебе еще повезло, что ты остался жив. Наверно, закалка и помогла. Когда наработаешься, наломаешься, потом и на душе светлее, лучше становится. Знаешь, что ты действительно живешь. И сейчас я стараюсь давать себе нагрузочку — вон у меня возле шкафа гиря стоит. Правда, не такая, как раньше, в молодости.

— *Не двухпудовая, по всему видно. Наверное, килограмма двадцать четыре?*

— Нет, это пудовичок. Раньше-то я игрался и двухпудовочкой, а после болезни взял полегче. Нагрузка нужна. Человек всегда стремится к совершенству, иначе он не человек. Откровенно, некоторые вещи я написал для самого себя, чтобы стать лучше. Я не поклонник слепой веры, тем более фарисейской, когда человек на показуху молится, клянется, а в жизни черт знает что... Я думаю, кто живет по совести, тот больше и угоден Богу, если он есть, чем всякие ловкачи и лицемеры. Помнишь, у Пушкина есть стихотворение «Мы все сойдем под

вечны своды...»? Пусть это будет эпитафием стихотворения, которое я хочу тебе прочитать.

И я сойду под вечны своды,
Не мысля, не страдая, не дыша.
К душе великой матери-природы
Моя вернется малая душа.
И, может быть, во времени грядущем,
Как от всего очищенная суть,
Она опять вольется в душу
Кому-нибудь, кому-нибудь.
И тот, кого она встревожит
Дыханьем тайным тайного огня,
Мой жребий вознесет, быть может,
И станет продолжением меня.

— Николай Иванович, я думаю, что это стихотворение хранит доброе настроение, в нем слышна добро звучащая струна. Вы и читали с какой-то доброй улыбкой, словно сам Пушкин вас позвал когда-то в литературу. Хотя по возрасту вы уже годитесь ему в отцы... А вообще вы считаете себя его учеником? Или уже можете о чем-то поспорить с ним?

— Наверное. Именно он меня потряс первый. И слава Богу, что именно он встретился первым на моем детском пути! Пушкин — это на все века. Необходимо, чтобы почаще к нему обращались, а не к этим новомодным поэтам, которых читаешь и думаешь: а что же он хотел сказать? Показаться не такими, как все, — так ведь не в этом задача поэта. Нет, Пушкин есть Пушкин. Я больше таких писателей признаю, которые учатся на классических образцах, и при этом говорят о сегодняшней жизни. Помню, толковали мы как-то с Леонидом Андреевичем Завальнюком на эту тему. И он привел мне строки из Гете, который признавался: «Сначала мы пишем просто и плохо. Потом — сложно и плохо. И только уж затем — просто и хорошо». Дай Бог, чтобы каждый из нас дошел до этого — писал просто и хорошо.

— Николай Иванович, с вами рядом по жизни всегда шли друзья. Может быть, их и немного было. Настоящих друзей всегда немного. Кто-то, наверно, ушел уже в мир иной. Без кого вы в этом мире чувствуете себя одиноким?

— Были люди, с которыми можно было поговорить и пооткровенничать. Многих из них уже нет.... Того же Игоря Еремина, я его все время вспоминаю. В последние годы он был какой-то расстроенный, немножко дерзил, но по-человечески его понять можно было. Поэт он был хороший. Его сейчас не хватает. Уехал Леонид Завальнюк. Зачем они едут в столицу, не знаю. Здесь бы их не меньше любили и уважали. В Хабаровске есть хорошие ребята, с которыми мы сейчас не общаемся, а жаль. Такое время, что даже на железнодорожный билет денег не хватает. Ни мы туда не ездим, ни они сюда. А уж в Москву тем более. С тем же Астафьевым хотелось бы встретиться, другими классиками русской литературы.

Есть такая пословица: «Если говоришь, то речь твоя должна быть лучше молчания». Мудрые слова! Вот об этом у меня есть такая миниатюра.

Не говори, когда едва
Мысль обрела в душе звучанье.
Произнесенные слова
Должны быть лучше, чем молчанье.

— Я хочу пожелать, чтобы произнесенные и написанные вами слова выражали ваш духовный мир, полностью соответствовали вашим мыслям о жизни. Тютчев в «*Silentium*» воскликнул: «Мысль изреченная есть ложь...» Но ведь это он сказал от отчаяния, что нельзя с предельной точностью выразить самого себя.

— Да, да! И тем более — поспешно сказать, не всё до конца продумавши. Я согласен с этим.

— Доброго вам здоровья, работоспособности большой! Хочу, чтобы вот эти рукописи, которые лежат на вашем рабочем столе, скорее воплотились в книги. Чтобы появилось избранное собрание сочинений. Давайте поживем еще подольше, поработаем, Николай Иванович.

— Ну а как же, для того и живем. Пусть будет так.

Амурское радио, программа «Стезя», № 103, 5 декабря и № 104, 19 декабря 1997 г.